

Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации*

Людмила Александровна

БЕЛЯЕВА

Институт философии Российской академии наук

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331; ResearcherID: J-8006-2018

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем молодежи, оказывающих влияние на ее жизнедеятельность и социальное благополучие (социальная стратификация общества; положение и поведение молодежи на рынке труда; изменения в ценностных ориентациях и моделях социокультурного поведения молодежи). Показано социальное положение молодежной группы населения в России, ее интеграция в рынок труда и эмоциональный компонент политической социализации. Анализировались возрастные группы, относимые в соответствии с градацией поколений В. Штрауса и Н. Хау к поколению Y. Материальный уровень жизни молодежи, образование и место проживания – это индикаторы, которые дифференцируют российскую молодежь, создавая своего рода стратификационную молодежную пирамиду. В настоящее время сокращается место молодежи на рынке труда при увеличении доли занятых в возрасте 55–72 года, что отрицательно сказывается на инновационном развитии экономики. Доминирующей отраслью для занятости молодежи стала сфера услуг. Социализация современной молодежи противоречива, что обусловлено глубокой социальной дифференциацией, неустойчивым положением на рынке труда, воздействием глобальных информационных процессов, противопоставлением внутри общества толерантного отношения к инаковости и независимости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Для политической социализации молодежи характерен низкий уровень интереса к политике,

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00285 «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период».

Для цитирования: Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 4. С. 220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13

For citation: Belyaeva L.A. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13

более критическое отношение к демократическому статусу страны при взрослении респондентов с усилением позитивного эмоционального компонента в отношении к Родине. При сравнении некоторых характеристик указанных поколений в РФ с характеристиками молодежи европейских стран, находящихся на разных уровнях развития: Польши, Чехии, Испании, Германии, Швеции, выявлена их своеобразность, связанная с остротой многих проблем экономического и демократического развития России. Используются данные Росстата, авторских эмпирических исследований, европейского социального исследования (ESS).

Ключевые слова: социальная стратификация молодежи, рынок труда, политическая социализация, образование, ценности.

Введение

В конце XX – начале XXI века проблемы молодежи и, шире, проблемы поколений, их смены, передачи ценностного опыта и преемственности социальных практик стали одними из самых важных для сохранения целостности общества как системы и динамизма его развития. В последние годы опубликовано несколько монографий, в которых рассматриваются актуальные и новые проблемы только вступающих в этот мир поколений молодежи и тех, кто в нем вполне освоился и начинает влиять на общество, даже если сами представители этих групп это отрицают, стремясь как можно дольше побыть «невзрослыми»¹ [1; 2]. Палитра исследовательских проблем молодежи довольно обширная [3–5]. Так, например, исследовательский центр поколений, созданный в Великобритании, проводит изучение уровня жизни поколений, возможностей, открывающихся перед молодыми людьми для собственного развития и реализации семейного и общественного контракта между поколениями – поддержки старших возрастных групп². Ученые в разных странах единодушно признают существенные отличия молодежи от старших возрастных групп, находят у них общие черты, которые определяются погруженностью молодежи в виртуальную реальность с формированием новой системы ценностей [6; 7].

В статье внимание сосредоточивается на нескольких проблемах молодежи, влияющих на ее жизнедеятельность и социальное благополучие. Во-первых, это проблема социальной страти-

фикации всего общества, в котором поколения молодежи занимают свое динамично изменяющееся дифференцированное место, образуя иерархическую молодежную пирамиду; во-вторых, положение и поведение молодежи на рынке труда в связи с его противоречивыми изменениями и появлением новых форм занятости; в-третьих, трансформация ценностных ориентаций, моделей социокультурного поведения молодежи, которые не распространяются на всю когорту и свидетельствуют об отсутствии у молодежи и в целом в обществе единой ценностной системы, продолжающей дифференцироваться по разным основаниям, в том числе по возрастным и поколенческим признакам.

Теоретические основы изучения молодежных групп

Далее остановимся на выделенных проблемах, однако сначала нужно дать определение понятию «молодежь». Наиболее употребительная характеристика молодежи через ее социальные функции представлена Карлом Манхеймом. «Проблема состоит в том, что, хотя всегда есть новое поколение и молодежные возрастные группы, тем не менее вопрос их использования зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества. Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность... Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [8, с. 571–572]. Отмеченная Манхеймом функция молодежи как двигателя инновационно-

¹ New Generational Contract: The final report of the Intergenerational Commission. Published on 8 May 2018. URL: <https://www.resolutionfoundation.org/advanced/a-new-generational-contract> (дата обращения 13.03.2020).

² Там же.

го развития общества не содержит упоминания о возрастных характеристиках, возрастных границах, что в данном определении принципиально не важно, тем более что эти границы подвижны и имеют свои пределы в зависимости от исторических этапов, проживаемых обществом.

Наиболее употребительным в советской, а теперь и в современной российской социологии является определение И. Кона: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [9, с. 85]. С точки зрения социокультурного подхода молодежь может рассматриваться как социально-демографическая группа, обладающая общей системой ценностей, мировоззрения, стандартами поведения, субкультурой. Но в современных российских условиях можно говорить о множественности ее социокультурных обликов, складывающихся под влиянием процессов дифференциации общества и самой молодежи.

Верхняя возрастная граница молодежи составляет сейчас 30 лет, когда для большинства молодых людей окончательно определяется профессиональный путь, заканчивается образование, создаются собственные семьи. Но вместе с тем имеются тенденции к расширению этой границы, поскольку многие молодежные роли продолжают массово исполняться и в более позднем возрасте. Ранее, при более коротком периоде обучения, верхняя граница молодежного возраста была меньше. Нижняя возрастная граница также подвижна и колеблется у разных исследователей в диапазоне 14–18 лет. Вместе с тем существует исследовательская практика, в соответствии с которой молодежь подразделяется на внутренние возрастные группы, например: подростки от 14 до 18 лет, молодежь

18–24 лет, «молодые взрослые» 25–29 лет, другие градации, в том числе доходящие в верхних границах до 35 лет.

Получила распространение систематизация поколений, следующая за разработкой американских ученых В. Штрауса и Н. Хау [10]. Выделение поколений молодежи в настоящее время связывают со знаковыми событиями в мире цифровых технологий и развития компьютерных сетей. В отношении молодежи выделяют как крупные группы, например миллениалы, или поколение Y (родившиеся в период с первой половины 1980-х до конца 1990-х гг., к началу 2018 года им было примерно от 18 до 35 лет [2]), так и более молодые группы, например «цифровое поколение» (поколение Z), родившееся после 2000 года. Эти градации имеют значение не только для исследований социальных характеристик молодежи, но и несут коммерческий смысл для производителей определенных товаров, особенно связанных с модой и сферой IT.

Однако следует признать, что нюансы возрастной классификации не имеют принципиального значения, это скорее предмет договоренности исследователей, которые ориентированы или на разные этапы жизненного пути молодежи (взросление, профессиональное самоопределение и начало трудовой деятельности, нахождение своего места в социально-профессиональной структуре общества и выполнение семейных функций), или на определенные знаковые события в развитии конкретного общества и хотели бы иметь возможности сопоставлять результаты проведенных работ. Логика дифференциации молодежи присутствует в традициях Росстата, в исследованиях которого в настоящий момент выделяются возрастные группы 15–19, 20–24, 26–29, 30–34 года, в других градациях вместо последней группы используется возрастной интервал 30–39 лет³. Словом, вариантов возрастной классификации молодежи много и для целей конкретного анализа можно отказаться от стандартного решения для выполнения исследовательских задач.

³ Российский статистический ежегодник. 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Труд и занятость в России. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

Методы и методология исследования

В статье использованы большие данные ESS (Европейского социального исследования), которое проводится с 2002 года в большинстве европейских стран, в том числе с 2006 года в России. В России исследование осуществляет ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований).

Сбор информации проходит в виде личного интервью на дому с респондентами 15 лет и старше по случайной вероятностной выборке. Размер выборки составил в 2016 году 2430 респондентов. В статье для сравнения данных выборки страны в зависимости от длительности их существования в рыночной системе хозяйства, уровня развитости экономик и стабильности демократии.

Для представленного ниже анализа были использованы две градации поколений. Первая основана на выделенных Росстатом группах молодежи в диапазоне 15–29 лет (с разделением на группы 15–19, 20–24, 25–29 лет), вторая – поколение Y (18–34 года), разделенная на две когорты: 18–24 и 25–34 года.

Результаты и их обсуждение

Отталкиваясь от двух фундаментальных определений – молодежь как двигатель инновационного развития общества и молодежь как носитель социальных и психологических характеристик, зависящих от возраста, рассмотрим выделенные выше актуальные контексты, связанные с положением молодых людей в российском обществе.

Сначала отметим некоторые настораживающие количественные тенденции, характеризующие изменение места молодежи в российском обществе. В 2017 году, по данным Росстата, доля молодежи в возрасте 14–30 лет составляла в России 29,4 млн чел., или 20% населения страны. При этом только за 4 года – с 2013 по 2017 – ее численность сократилась почти на 5 млн человек, или на 5 п. п. Основная часть молодежи проживает в городах (75,6%), 24,4% – на селе (2016 г.). Регионы России заметно различаются долей молодежи в населении, причем такое положение, по прогнозам Росстата, сохранится и в ближайшем будущем. По среднему варианту прогноза на 2025 год минимальная доля молодежи в населении будет наблюдаться в Москве – 14,42% и Санкт-

Петербурге – 14,92%, максимальная – в Чеченской Республике, Республике Дагестан и Ингушетии – 26,72, 23,87 и 23,26% соответственно. Сейчас в этих регионах в составе населения более 30% молодых людей⁴ и одни из самых высоких показателей молодежной безработицы. Очевидно, что для предотвращения негативных социальных событий в этих регионах необходимо обеспечивать большую занятость молодежи.

Столь неблагоприятные тенденции в изменении численности молодежи определяют в перспективе тревожный уровень демографической нагрузки. К 2035 году, по среднему прогнозу Росстата, на каждую тысячу лиц трудоспособного возраста будет приходиться по 834 нетрудоспособных, в том числе детей до 14 лет – 287, а лиц старше трудоспособного возраста почти в два раза больше – 547 человек. В Курганской области прогнозируется демографическая нагрузка более 1 тыс. нетрудоспособных на 1 тыс. трудоспособных⁵. Это заставляет все с большим опасением смотреть в будущее, в частности анализировать современное положение молодежи в России, тенденции ее социализации, включенности в образовательную систему, участие в общественном производстве и влияние на ценностно-нормативную систему общества, которая все больше будет определяться теми поколениями, которые сейчас пока относятся к когорте молодежи.

Молодежь в системе социальной стратификации

На современном этапе развития российского общества можно выделить три ведущих критерия, определяющих положение молодого человека: материальный уровень жизни, образование и место проживания. Все три критерия не только дифференцируют саму молодежь, но и проецируют на нее стратификацию семей и региональных сообществ, где проживал или проживает молодой человек. Наследственный фактор все в большей мере оказывает влияние

⁴ Демографический прогноз численности населения РФ до 2031 г. (средний вариант), скорректированный по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения 15.05.2019).

⁵ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

на место в обществе. Относительная социальная однородность при социализме сменилась глубоким расслоением, что не могло не сказаться на социальном положении молодежи.

Как отмечают некоторые исследователи, в советской России материальное положение выступало далеко не самым существенным показателем статуса, сейчас же это один из важных индикаторов. Возникла новая система социальных координат, соответствующая новым экономическим и политическим отношениям. В связи с этим усложнилась система критериев или статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии [11]. Материальная дифференциация и социальный статус взрослого населения отразились на материальном и социальном положении представителей молодежи из разных доходных и социальных слоев, открыли перед ними разные каналы социальной мобильности. Проблема обостряется глубокими различиями между регионами [12].

Как же оценивают молодые люди материальное положение своих семей? По данным ESS, молодежь настроена более оптимистично, чем взрослое население РФ. Только 7 и 10% молодых людей 15–24 и 25–34 лет соответственно считают, что на доход их семьи жить очень трудно, а 26 и 32% – довольно трудно. Для взрослых 45–59 лет и 60+ эти оценки более тревожные (табл. 1).

Для того чтобы более объективно оценить уровень материального обеспечения молодежи в России, можно сопоставить оценки, которые дали российские молодые люди и их сверстники из нескольких стран бывшего социалистического лагеря (Польша, Чехия), юга Европы (Испания), центральной (Германия) и северной Европы (Швеция). Если в России 60%

молодежи 15–24 лет ответили, что их семья на получаемый доход может жить, не испытывая материальных затруднений, или этого дохода в принципе хватает, то в Польше такую оценку дохода дали 90% этой возрастной группы, в Чехии – 68%, в Испании – 77%, в Германии и Швеции – по 91%. В группе 25–35-летних в перечисленных европейских странах оказались близкие оценки материального благополучия за исключением Испании, где на 10% меньше молодых людей этого возраста оценили доход своей семьи как достаточный или не создающий никаких материальных затруднений. В России также отмечается снижение численности возрастной группы с такой оценкой дохода семьи по сравнению с группой 15–24-летних на 7%. Следует обратить внимание, что недостаточность дохода негативно сказывается не только на уровне и качестве жизни, но и на перспективах получения хорошего образования в группе 15–24-летних, а также на жизнедеятельности молодых людей 25–35 лет, особенно если у них уже есть дети.

По данным ESS и других исследований, наибольшую долю людей, не имеющих материальных затруднений, составляют в России предприниматели. Можно с уверенностью предположить, что этот слой имеет лучшие материальные возможности, для того чтобы дать детям хорошее качественное образование, в том числе за границей. Это же заключение можно распространить на управленческую и культурную элиту. Но было бы справедливо обратить внимание на то, что слой малых и средних предпринимателей, а также самозанятых в России очень узкий, сохраняются неблагоприятные тенденции его развития. Из года в год эксперты отмечают «непредсказуемость и агрессивность» государственной политики,

Таблица 1. Какое высказывание наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи?, %

	Россия, возраст (лет)				
	15–24	25–34	35–44	45–59	60+
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	8	8	6	7	5
Этого дохода нам в принципе хватает	52	45	45	39	35
Жить на такой доход довольно трудно	26	32	33	35	39
Жить на такой доход очень трудно	7	10	11	15	20
Затрудняюсь ответить	7	5	5	4	1
Итого	100	100	100	100	100

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

«постоянно ужесточающиеся правила ведения бизнеса, их постоянное изменение и усиление карающей политики всех контролирующих органов», «постоянное появление новых требований». «Высокий уровень бюрократии» и «клановость чиновничьего аппарата» также не способствуют улучшению предпринимательского климата в России⁶. Усилия правительства по либерализации условий для предпринимательской деятельности и работы самозанятых имеют целью упростить развитие бизнеса, но о результатах судить пока рано. Несмотря на имеющиеся трудности, многие предприниматели готовы передать свой бизнес детям в случае их интереса к этой деятельности и намерены их к этому готовить, в частности обеспечивая получение хорошего образования⁷.

Выходцы из родительских семей, имеющих высшее образование, с большой вероятностью пополнят слой специалистов, молодежь из рабочих семей получает, как правило, среднее профессиональное образование и занимает рабочие места на рынке труда. Практически все дети управленцев оканчивают вузы [13]. Прослеживается устойчивая тенденция перехода в средний класс молодежи, чьи родители также были «средними». Так складывается социальная стратификация молодых поколений россиян. Влияние социально-экономического статуса семьи на выбор образовательной и профессиональной стратегии молодым человеком очень значительно и состоит в основном в личной поддержке стремления достичь определенного статуса и тех преимуществ — материальных и социальных, которыми обладает семья для реализации такого выбора. Здесь можно отметить решающее положительное влияние культурного капитала, накопленного поколениями родителей в советский период, на формирование культурного капитала современной молодежи. Престиж образования даже в постсоветские десятилетия резкого снижения уровня жизни специалистов и сокращения рынка интеллек-

туального труда не привел к сокращению желания семей дать детям высшее образование, хотя качество образования в вузах повсеместно снижалось и часто пребывание в вузе рассматривалось как этап социализации молодого человека, а не приобретение востребованной профессии. В результате образовательного «бума» среди занятых высшее образование в 2000 году имели 24,7%, а в 2017 — 34,2%⁸. Мы не говорим здесь о качестве подготовки специалистов, а только отмечаем количественные изменения.

Существует сильная корреляционная связь уровня жизни с местом жительства в разных типах населенных пунктов и удаленности от столиц и больших городов. Как показано в монографии «Модели доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения», в 2017 году в столицах России — Москве и Петербурге — высокодоходные слои составляют 51% населения, в центрах субъектов РФ — 7%, в районных центрах — 4%, в селах и поселках городского типа — 2%. И обратные пропорции по доле низкодоходных слоев: в столицах 1%, в центрах регионов — 22%, в районных центрах — 35%, в селах и поселках городского типа — 45%. Меньшие, но все же значительные различия наблюдаются в пропорциях среднедоходной и медианной доходной групп [14]. Материальный уровень жизни семьи прямо сказывается на материальном и социальном положении молодых людей, когда они живут в семье родителей, и косвенно, когда молодой человек живет отдельно от родительской семьи или имеет свою семью и детей. Региональная дифференциация уровня жизни сегодня предопределяет получение молодежью качественного образования и занятие центрального или периферийного места на рынке труда.

Если оценить факторы, влияющие на материальное положение молодежи и распределение по социальным стратам, то первое место нужно отвести зависимости от материального и социального положения родителей, их образовательного багажа, когда молодой человек наследует от них определенные материальные и социальные ресурсы, условно говоря, экономический, социальный и культурный капитал.

⁸ Российский статистический ежегодник. М., 2018. С. 119.

⁶ Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019 г. URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf (дата обращения 26.06.2019).

⁷ «Не нужно вешать на детей свой бизнес». Предприниматели — о том, передавать ли ребенку свое дело. URL: <https://rb.ru/opinion/preemniki-biznesa/> (дата обращения 25.06.2019).

Второе место, по нашим оценкам, занимает локализация места проживания, его близость к центрам развития, где имеются учебные заведения, дающие востребованную профессию и квалификацию, и предлагаются качественные рабочие места. Третья группа факторов – уровень полученного самим молодым человеком образования, качество его социализации, умение адаптироваться к социальной среде, стать инноватором в своей области деятельности и социально активным человеком в выборе направлений развития. Эта группа факторов зависит и от социального и культурного капитала молодого индивида, его окружения, и от личных социально-психологических характеристик и внутренней мотивации.

Можно говорить о множественности последней группы факторов, что делает спорным их однозначную интерпретацию в современных условиях. Сейчас у российской молодежи есть многообразие опыта, мотиваций для выстраивания жизненного пути, целый спектр возможностей для достижения личных и общественных целей. Но вместе с тем для большинства молодых людей особо значимо достижение более высокого места в общественной иерархии и хорошего материального положения, что рассматривается как достижение личного социального успеха. С точки зрения культурно-антропологического подхода он детерминруется социокультурными факторами, успех личности понимается как реализация ее жизненной стратегии, сформированной в системе определенных культурных норм, представлений и идеалов. Замечу, что понятие социального успеха имеет многоплановую природу, хотя сейчас он часто сводится к получению более высокого места в социальной стратификации и предполагает участие в конкуренции, состязательность, преодоление, победу [15]. Часть российской молодежи видит свой жизненный путь не в продвижении по иерархической лестнице, а отдает свою энергию творчеству, поиску себя в осваивании новых культурных практик, новых локальностей и нового образа жизни. Тем не менее, для большинства молодых людей актуализирована проблема интеграции в современный рынок труда с целью занять на нем место, дающее возможность вертикальной социальной мобильности.

Положение молодежи на рынке труда

Трудоустройство, карьерный рост и занятие места в социально стратифицированном обществе в значительной мере определяются положением, которое молодые люди занимают на рынке труда, и тем, как это положение соотносится с положением взрослых и старших возрастных групп. Рассмотренные выше тенденции сокращения численности молодежи негативно скажутся на возрастной структуре занятого в экономике населения, как следствие, в будущем по истечении 15–20 лет станет меньше возможностей для роста производительности труда. Что же сейчас может предоставить рынок труда для молодежи?

Состояние рынка труда в России в 2000–2015 гг. проанализировано в докладе, подготовленном специалистами ГУ «Высшая школа экономики» [16]. Используя результаты этого анализа как «рамку», рассмотрим проблемы интеграции молодежи в современный российский рынок труда, тем более что этот аспект в упомянутом докладе представлен только фрагментарно. Для этого на основе материалов официальной статистики выделим основные характеристики рынка труда в России, влияющие на положение молодежи на нем и в экономике в целом. При этом используем возрастную группировку, принятую в статистических сборниках, в которых молодежная группа охватывает возраст 15–29 лет.

Как показывает статистика, увеличение численности пожилых работников в экономике изменяет пропорции в составе занятых, в результате чего доля молодежи в общей численности занятых сокращается (*табл. 2*).

Доля молодежи в экономике за 2005–2016 гг. в масштабах страны снизилась почти на 3%. Одновременно на 4,2% выросла доля занятых в возрасте 55–72 года. Уменьшение доли молодых людей в экономике, безусловно, отрицательно сказывается на инновационном развитии, поскольку молодежь имеет, как правило, лучшую современную подготовку и восприимчивость к новому, в частности к внедрению цифровых технологий.

Внутри возрастных групп молодежи за последние 10 лет также произошли существенные сдвиги. В группе 15–24 года примерно на 5% сократилась доля занятых в экономике за счет

Таблица 2. Структура занятых по возрастным группам, %

Год	Всего	в том числе в возрасте, лет										
		15–19	20–24	25–29	Молодежь 15–29	30–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–72
2005	100	2,1	9,6	12,7	24,4	24,0	14,5	14,6	12,1	6,7	2,0	1,8
2010	100	1,0	9,4	13,6	24,0	25,3	11,5	13,7	13,0	8,3	3,0	1,2
2014	100	0,6	7,8	14,5	22,9	26,3	12,0	11,8	13,3	9,0	3,7	1,2
2015	100	0,6	7,0	14,5	22,1	26,9	12,2	11,4	13,0	9,3	3,9	1,2
2016	100	0,6	6,4	14,5	21,5	27,4	12,5	11,2	12,7	9,4	4,0	1,3

Источник: Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

увеличения доли учащихся – школьников и студентов. При этом одновременно выросла доля занятых в старшей молодежной группе – 25–29 лет – на 2,4%. Такие структурные изменения свидетельствуют о появлении больших возможностей для молодежи продолжить образование (разного уровня) и только после этого приступать к работе.

В 2000–2018 гг. при сокращении в общей занятости первичного (сельское хозяйство и рыболовство – с 13,4 до 6,9%) и вторичного (промышленность и строительство – с 30,4 до 27,9%) секторов доминирующим по численности сектором экономики становится сфера услуг (ее доля выросла с 56,2 до 65,3%)⁹. Именно она является основным местом работы для молодежи в последние годы: молодежь активно занимается торговлей, финансовым посредничеством, операциями с недвижимостью и гостинично-ресторанным бизнесом.

Кроме того, молодые люди довольно активны в создании собственного бизнеса, самостоятельного дела. В 2016 году 16,7% работающих не по найму были молодыми людьми до 30 лет. При этом доминируют в указанной группе молодые люди, имеющие только среднее образование. Очевидно, что для них, особенно на селе и в малых городах, не достаточно мест работы с хорошей оплатой, в связи с чем они начинают работать самостоятельно в качестве строителей, водителей, мелких торговцев и производителей разнообразных услуг.

В соответствии с отраслевыми и статусными сдвигами в России изменился квалификационный состав занятых – выросла доля руководи-

телей, специалистов высшей и средней квалификации, работников сферы обслуживания, но сократилась численность квалифицированных и особенно неквалифицированных рабочих и сельскохозяйственных работников. Вследствие таких перемен нефизический труд стал доминирующим видом экономической активности молодежи и вообще всех россиян. Рабочие места, требующие больших физических усилий, оказались в основном уделом трудовых мигрантов.

Молодежь до 30 лет больше представлена в занятиях, требующих высшего или среднего уровня квалификации, а также в сфере обслуживания и торговли, чем среди работников сельского хозяйства, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, операторов установок и машин (табл. 3).

Последние четыре группы занятых, представленные в таблице, не пользуются среди молодежи такой популярностью, как первые четыре, если не учитывать руководителей. Между тем, по оценке министерства экономического развития, на протяжении 2018 года самое ограниченное предложение кадров требуемой квалификации наблюдалось среди рабочего персонала, а соотношение поданных резюме и вакансий было самым маленьким. Молодые люди предпочитают нерабочие специальности. В результате в настоящее время около одной трети всех занятых в гостиничном бизнесе, финансовой сфере представлены молодежью до 30 лет, 26% – в торговле и бытовом обслуживании.

Интеграция молодежи на рынок труда носит противоречивый характер. Деиндустриализация и медленная модернизация экономики обусловили отток молодежи из материального производства и занятие открывшихся рабочих мест в торговле и обслуживании, в том числе в

⁹ Труд и занятость в России. 2003: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. С. 190; Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2019. С. 62.

Таблица 3. Структура занятых по возрасту и группам занятий*, 2016 год, %

	Всего	в том числе в возрасте, лет					
		15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72
Занятые – всего	100	0,6	20,9	27,4	23,7	22,1	5,3
Руководители	100	0,0	10,3	26,5	29,4	27,7	6,1
Специалисты высшего уровня квалификации	100	0,0	23,0	30,4	23,5	18,7	4,4
Специалисты среднего уровня квалификации	100	0,4	23,7	27,1	23,6	20,9	4,2
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	100	0,4	23,9	27,2	22,4	21,4	4,7
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	100	0,8	25,2	29,0	22,8	18,5	3,7
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	100	4,2	13,6	16,8	19,2	25,5	20,7
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	100	0,3	20,5	28,0	23,6	23,3	4,3
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	100	0,2	17,5	26,3	25,6	26,4	3,9
Неквалифицированные рабочие	100	2,2	18,8	22,7	21,3	26,1	9,0

* В соответствии с Общероссийским классификатором занятий (ОК 010-2014).
Источник: Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm

финансовом посредничестве. Сегодня сектор услуг вносит значительный вклад в ВВП России и обеспечивает широкий спектр предложений для населения. При этом остаются неразвитыми те отрасли экономики, которые составляли материальную базу экономического развития страны, однако не оказались приоритетными для трудоустройства молодежи. Положение может измениться с внедрением в производство цифровых технологий.

Развитие интернета и глобализация породили новый вид занятости, очень привлекательный для молодежи, — фриланс. Такие виды деятельности, как создание сайтов, работа с текстами, дизайн и арт, программирование, аутсорсинг, копирайтинг и т. д., по оценкам, на 20% выполняются в IT-секторе фрилансерами. Кроме того, фрилансеры получают заказы на разные типы инжиниринга — изготовление чертежей, схем, конструкций и проч. Возникли отечественные и международные биржи фриланса, рынок удаленного труда приобрел международный характер, он становится все более популярен для молодежи, имеющей подготовку в сфере цифровых и интернет-технологий. Он привлекателен свободой самоорганизации труда, возможностью жить в любой точке земного шара при выполнении заказных работ, но вместе с тем несет угрозы недостаточной социальной защищенности.

Для российской молодежи с невысоким уровнем образования в последние годы стал доступен неформальный сектор занятости, в основном в торговле, строительстве, сфере бытовых и личных услуг. Активно развивается отходничество — работа относительно долгое время вне постоянного места жительства. За счет неформального сектора занятости растет совокупная занятость, удовлетворяется спрос на услуги. По различным оценкам, неформальная занятость в России составляет 20–25%. В российских условиях формальный и неформальный секторы существуют не изолированно, они активно взаимодействуют друг с другом. Негативный эффект участия в неформальной занятости заключается в отсутствии социальных гарантий — оплаты больничных листов, формирования пенсии и т. д., а также, как правило, возможностей для повышения квалификации и социального статуса. Известно, что вовлеченность в процессы обучения и переобучения зависит от места работы и уровня образования. Неформальный сектор стал прибежищем в основном для молодежи с низким образовательным уровнем, к тому же для работы в этой сфере дополнительное обучение часто не является необходимым.

Таким образом, российская молодежь на современном рынке труда активно занимает места в неформальном секторе экономики (профес-

Таблица 4. Структура безработной молодежи по возрастным группам, %

	Безработные всех возрастов – всего	Возраст (лет)			
		15–19	20–24	25–29	Итого молодежь 15-29 лет
2000	100	9,6	17,2	12,5	39,3
2010	100	5,6	20,8	15,0	41,7
2015	100	4,7	19,8	16,1	40,6
2016	100	4,2	19,1	16,5	39,8
2017	100	3,8	17,9	16,5	38,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 124.

сионалы – в IT-секторе, молодежь с невысоким уровнем образования, без профессиональной подготовки – в торговле, строительстве и секторе услуг). Несмотря на более высокую зарплату для молодежи в нем практически отсутствует социальная защита и сегодня, и в будущем – при наступлении пенсионного возраста. Наиболее дальновидные молодые люди создают для таких случаев своего рода «подушку безопасности».

Эта группа небольшая, но преодолеть маргинальное положение ее представителям очень сложно, как и найти хорошую работу или получить качественное образование. Среди такой молодежи много сельских жителей, людей с проблемами здоровья и инвалидов. Выход, предлагаемый авторами доклада «Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения», с которым нельзя не согласиться, заключается в следующем: только стимулирование представителей молодежи NEET к получению и повышению квалификации и переобучению в рамках активных программ поиска работы, которые имели бы четкую связь с требованиями рынка труда, а также создание рабочих мест на селе могут привести к сокращению численности данной группы. Однако с течением времени она может пополняться также выпускниками некачественных вузов. Их профессиональный путь, вероятно, будет связан с непрестижными и низкоквалифицированными рабочими местами [16]. Основные их профессиональные достоинства обеспечиваются прохождением социализации в стенах вуза с приобретением социальных и поведенческих навыков и компетенций, которые становятся необходимыми, для того чтобы занять место на рынке труда.

Большая часть современной российской молодежи сталкивается с безработицей. За по-

следние 17 лет безработица в России снизилась до минимальных значений, сейчас она охватывает только 5,2% трудоспособного населения, или 4,2 млн человек¹⁰. При этом доля молодежи до 30 лет в составе безработных колебалась в эти годы в районе 40%, составив в 2017 году 38,3% (табл. 4).

Молодежная безработица имеет специфический характер. С 2005 по 2018 год доля выпускников вузов выросла с 13,1 до 20,7% от всех безработных, а среди получивших среднее профессиональное образование рабочих и служащих сохранилась на уровне 19–20%¹¹. Безработица среди лиц с другими образовательными уровнями в эти годы постепенно снижалась. Очевидно, что среди безработных, которые не имели раньше никакой работы (их число составляет 26%), большинство – молодежь. Как можно оценить эти тенденции молодежной безработицы? Ответ кроется, возможно, в региональных особенностях структуры рынка труда в России, его асимметричном состоянии.

Самый низкий уровень безработицы отмечается в Центральном федеральном округе, самый высокий – в Северо-Кавказском. При этом молодежь 20–29 лет, уже получившая, как правило, профессиональное образование, в общей численности безработных составляла в 2018 году по РФ 34,5%, а в таких субъектах РФ, как Москва, Санкт-Петербург, где сосредоточено большое число учебных заведений, доля молодых безработных в составе всех безработных превышает показатели большинства других регионов (38,2 и 44,1% соответственно), приближаясь к «лидерам» по этим показателям – Чеченской Республике (57,9%), Ставро-

¹⁰ Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 109, 110.

¹¹ Труд и занятость в России: стат. сб. М., 2017. С. 80; Труд и занятость в России: стат. сб. М., 2019. С. 43.

польскому краю (51,4%), Ингушетии (50,8%), Краснодарскому краю (50,4%). Перенасыщенность учебными заведениями, привлекательность мегаполисов для молодежи и нежелание уезжать в провинцию, отсутствие там рабочих мест с достойной оплатой создают ситуацию, когда молодежь всеми возможными способами стремится остаться в столицах, и, нужно отметить, эти города дают такую возможность. После поиска работы в течение определенного срока (для Москвы и Санкт-Петербурга характерны одни из самых низких средних сроков поиска работы безработными (4,6 и 5,1 месяца соответственно)¹²), молодые специалисты, как правило, находят ее, но часто не по специальности, полученной в учебном заведении. В результате в Москве и Петербурге в группе молодежи 20–29 лет самый низкий процент безработных среди всех регионов России. В других субъектах с высокой безработицей среднее время поиска работы до двух раз больше.

Отмеченные различия регионов по уровню молодежной безработицы отражают несколько важных противоречий региональных рынков труда и системы образования. Учебные заведения в регионах часто не соответствуют потребностям региональной экономики, уровню занятости населения, наличию вакансий, масштабам неформальной занятости и безработицы. Молодежь не удовлетворяет величина заработных плат и удаленность от центров развития, прежде всего больших городов и столиц. В сельской местности и небольших городах, где предложение рабочих мест ограничено, молодежная безработица имеет большие масштабы, чем в средних и больших городах.

Таким образом, российский рынок труда и система образования дифференцируют современную российскую молодежь, предоставляя ей неравные возможности для получения качественного образования, соответствующего, с одной стороны, запросам молодежи к качеству труда, с другой, — неравномерности в распределении по регионам хорошо оплачиваемых перспективных рабочих мест. Негативное влияние на положение молодежи на рынках труда окажет намеченное сокращение бюджетных мест в российских вузах, преимущественно регио-

нальных. Как сказано в докладе правительства Федеральному собранию о политике в сфере образования в июле 2019 года, к 2024 году число бюджетных мест сократится на 17% по сравнению с 2019 годом, при этом количество абитуриентов возрастет на 15%. Соответственно, шанс получить высшее образование за счет государства уменьшится для молодежи на 25%. Это затронет прежде всего региональные вузы в тех субъектах, где дефицитный региональный бюджет не сможет их поддерживать. В таких условиях необходимы дотации из федерального бюджета для увеличения бесплатных мест в региональных вузах. Возможно, это позволит избежать большого оттока молодых людей в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные центры, сохранить способную молодежь для развития периферийных и депрессивных регионов.

Политическая социализация молодежи: роль эмоционального компонента

Социализация — процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение ее социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками. Российская молодежь по особенностям своей политической культуры находится в промежуточном, или, как говорил П. Чаадаев о положении России между Западом и Востоком, межеумочном состоянии. Переход от традиционного общества с декларируемыми социалистическими принципами коллективизма и уравнительности в потреблении к современному рыночному обществу с высоким уровнем индивидуализма и ориентацией на материальное благосостояние и самореализацию в полной мере отразился на социализации молодежи. Проследим это на примере политической социализации молодых людей с акцентом на ее эмоциональную составляющую.

Сегодня политическая социализация в самом общем виде — это одно из направлений социализации молодежи, процесс усвоения ею политических ценностей и норм, которые не только транслируются со стороны семьи, государственных институтов, но и берутся из общественной среды и среды непосредственного личного и виртуального общения. В России, как и в других вступивших в модернизацию странах, на смену вертикальной трансляции политических знаний, норм и ценностей традиционного общества пришла горизонтальная

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2019. С. 168–169.

коммуникация. В ней объект политической социализации вступает в мысленный или реальный диалог со многими носителями норм, ценностей, форм политического сознания и поведения. Он уже не только потребитель политических ценностей и установок, но и сам оказывает влияние на формирование этих качеств у других людей, в том числе у старшего поколения.

Для современного российского общества характерно состояние переходности, неопределенности в выработке и освоении политических ценностей и норм. Это проявляется в неустойчивости политической самоидентификации граждан, в сомнении относительно своего влияния на действия органов власти — высших и местных, и возможностей реализовывать свои политические права. Для молодежи отношение к политике находится на периферии интересов, для нее особенно значимо то, что личный опыт и реалии повседневной жизни приводят к ощущению собственной незначительности в социально-политическом пространстве и убежденности в бессмысленности своего политического участия [17]. Как и для других возрастных групп, для молодежи характерен высокий уровень недоверия к органам власти (за исключением президента страны), к политическим партиям и общественным организациям, созданным при содействии властных структур.

Можно различить два вектора политической социализации молодежи: позитивный и негативный. Первый основывается на рациональном и эмоциональном отношении к своей стране, ее судьбе, ее гражданам, масштабным событиям и критическим ситуациям, он может быть основой для политической социализации, вовлечения молодежи в общественные дела и общественные движения. Сегодня этот вектор реализуется молодежью в волонтерстве, самоорганизации для решения экологических проблем, в деятельности некоммерческих организаций, в организации фондов помощи, в социальном предпринимательстве и т. д. Это, можно сказать, базовая политическая деятельность, в которой реализуется политическая функция самоорганизации и самоуправления. Иногда низовые организации граждан способны изменить общее направление политики, повлиять на судьбу отдельных политиче-

ских деятелей, муниципальных органов власти и управленцев.

Второй вектор — негативный — заключается в политической отстраненности, в ощущении бессилия, невозможности изменить ситуацию в политической сфере и в стране в целом, в нежелании проявлять какую-то общественную активность. Это то, что можно назвать «аполитичностью» большинства молодежи, ее самоотстранением от активности в общественных делах, формально организованных мероприятиях, движениях, она проявляется в отрицательном отношении к инициативам государственных институтов, к участию в деятельности местных органов власти. Оба вектора могут присутствовать в сознании и деятельности одного актора.

Как показывают наши исследования, важной составляющей политической социализации молодежи может быть тот эмоциональный образ страны, который фиксируется при опросах населения, в частности молодежи. Он формируется в основном как позитивное отношение к родине (но не к государству): ее природе и естественным природным ресурсам, в тревоге за экологическое состояние и будущее территории проживания; в уважительном отношении к истории страны, гордость за деятельность исторических личностей; в высокой оценке богатства культурного наследия, ее места и признания в мире; позитивное отношение к таким качествам народа, как его отзывчивость на чужую беду и чувство справедливости. Эти содержательные и эмоциональные оценки отражают доминирующие трактовки патриотизма современной молодежи [18] и могут рассматриваться как эмоциональная основа ее политической социализации.

Современный противоречивый этап общественного развития оказывает влияние на политическую социализацию различных групп молодежи. Если обратиться к двум возрастным когортам молодежи: 15–24 и 25–34 года, то можно проследить заметные различия, возникающие за счет не только возрастных особенностей (представители первой когорты, как правило, заняты еще образованием и профессиональной подготовкой и живут в семьях родителей, второй — начали работать и создавать собственные семьи), но и влияния общей и ближайшей социальной среды, а также воздействия информационного поля.

Для понимания этих различий целесообразно рассмотреть некоторые аспекты социализации молодежи РФ в сопоставлении с молодежью других стран. Для сравнения в анализ включена группа взрослого населения, уже прошедшая социализацию (45–59 лет).

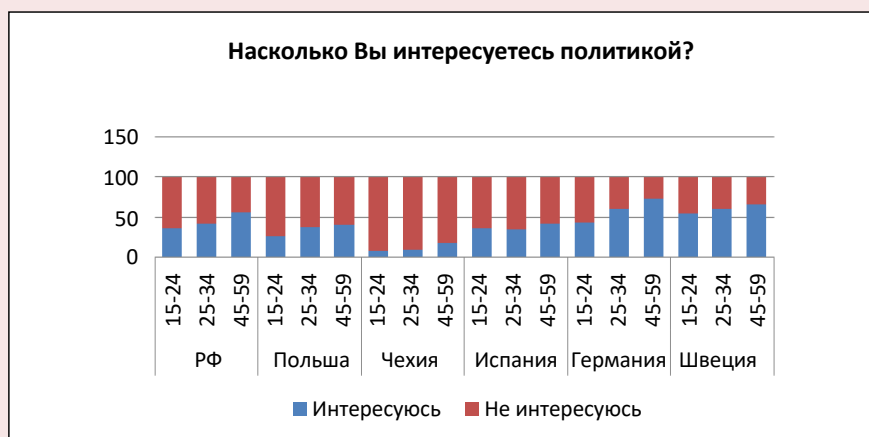
Прежде всего обратимся к вопросу о том, как относятся к политике и воспринимают политическую ситуацию в своей стране молодые люди в некоторых европейских государствах: Польше, Чехии, Испании, Германии, Швеции, в сравнении с Россией. Страны были выбраны по длительности существования в рыночной системе хозяйства и исходя из уровня развитости экономик и стабильности демократии. На вопрос о степени интереса к политике (очень интересуюсь, в некоторой степени интересуюсь, мало интересуюсь, совсем не интересуюсь) были получены ответы, сгруппированные в позиции «интересуюсь» и «не интересуюсь» (рис. 1).

В каждом из государств интерес к политике увеличивается с возрастом респондентов, но в

бывших социалистических странах (особенно в Чехии) и в Испании все возрастные группы демонстрируют меньший интерес, чем соответствующие группы в экономически более развитых странах – Германии и Швеции.

При оценке удовлетворенности тем, как работает демократия в их стране, оценки, наоборот, с возрастом понижаются во всех рассматриваемых государствах, кроме Испании (табл. 5). В России, как и в Чехии, понижение максимальное, что демонстрирует разочарование при взрослении респондентов в демократическом развитии своих стран. Заметим, что минимальный разрыв в оценке демократии между группами молодежи и лицами в зрелом возрасте наблюдается в Польше, что может свидетельствовать о большей политической консолидации возрастных когорт, чего нельзя сказать о России, где разница между респондентами в возрасте 45–59 лет и 15–24 и 25–34 весьма значительна – более 1 балла по 10-балльной шкале.

Рис. 1. Интерес к политике групп молодежи и взрослых респондентов, % от числа респондентов в группе

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Таблица 5. Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране? (средний балл по 10-балльной шкале)

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	5,1	5,0	5,8	4,2	6,4	7,1
25–34	4,3	4,5	5,5	4,2	6,1	6,4
45–59	4,1	4,7	4,8	4,5	5,9	6,5

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

В Германии и Швеции оценка молодежью демократии в своей стране выше, чем в России, примерно на 1–2 балла, с увеличением возраста респондентов она снижается не столь стремительно (на 0,5 и 0,6 балла соответственно). Таким образом, оценки демократичности стран коррелируют с уровнем экономического развития и доверием к политическим институтам общества. По данным многочисленных международных исследований, в том числе ESS, уровень доверия к политическим институтам в Германии и Швеции – один из самых высоких в Европе, в России эти оценки низкие в течение всего постсоветского периода.

Социализация молодежи в России находится под воздействием неоднозначных процессов политического развития страны. До сих пор не преодолены конфликты, возникшие при перераспределении государственной собственности, произошло сращение собственности и власти, большинство населения устранено от распоряжения ресурсами общества, появилась глубокая материальная и социальная дифференциации населения. Особенности политической социализации молодежи, ее неразвитая политическая культура выражаются в политической пассивности молодежи, в отсутствии солидарности в политической сфере. Для значительной части российской молодежи более значимой стала частная жизнь, достижение личного успеха, материального благополучия. В то же время молодежь легко поддается манипулированию, вовлечению в акции протеста, считая, что

демократические процедуры являются в России только формальностью.

Показательно отношение к своей стране на эмоциональном уровне, демонстрируемое разными возрастными группами в странах Европы, в том числе в России (табл. 6).

Во всех государствах эмоциональная связь со своей страной с повышением возраста усиливается, но в старшей молодежной группе в России она все же слабее, как и среди взрослой группы 45–59 лет. Лидером по этому показателю во всех возрастных группах является Польша. Очень сильную эмоциональную связь (максимальные 10 баллов по шкале) испытывают в России только 15% населения в возрасте 15–24 года, 17% – 25–34, 27% – 45–59 лет (табл. 7).

Прослеживается отмеченная выше закономерность – с повышением возраста эмоциональная связь со своей родиной усиливается, однако младшая молодежная группа во всех странах, особенно в Германии и Швеции, довольно слабо эмоционально привязана к ней. Эти характеристики двух возрастных групп молодежи в сравнении с более взрослой частью населения дают основание говорить, что, наряду с другими показателями, это специфические черты младшей и старшей возрастной молодежных групп. Они отражают их ценностные ориентации, рожденные мировой глобализацией, распространением интернета и сетевых мобильных связей и отношений, которые все больше заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, и идентификацию со своей страной.

Таблица 6. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране? (средний балл по 10-балльной шкале)

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25–34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45–59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

Таблица 7. Чувствую очень сильную эмоциональную привязанность к своей стране (10 баллов по 10-балльной шкале), %

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	15	17	15	14	6	6
25–34	17	30	21	22	11	19
45–59	27	48	25	32	19	28

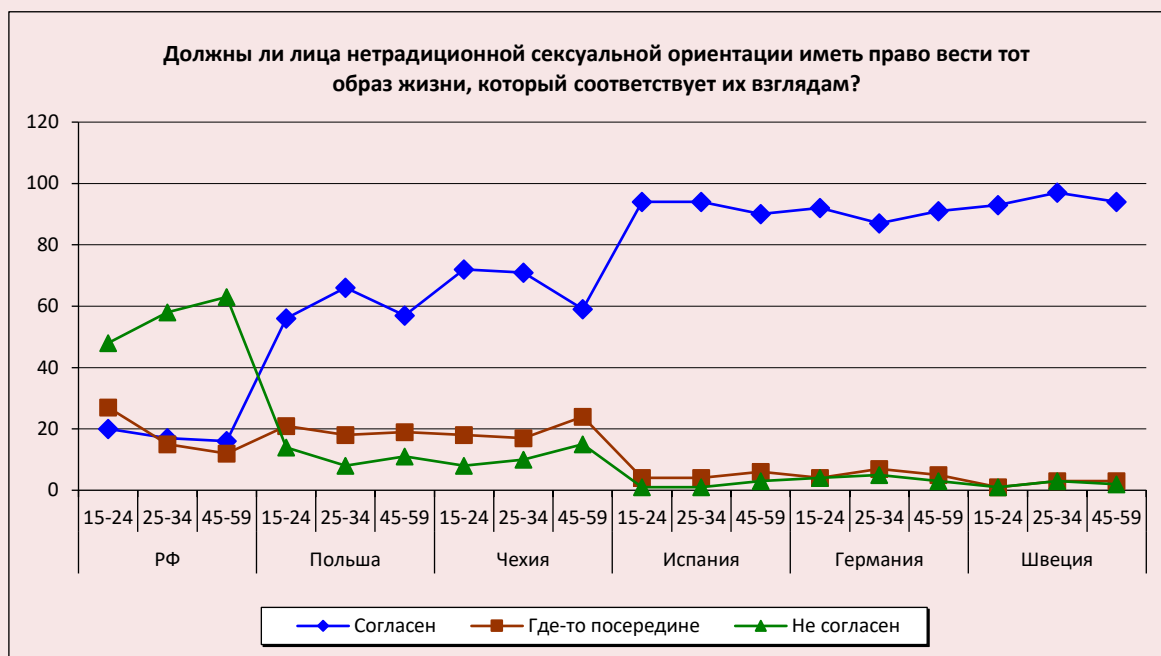
Источник: данные ESS-2016. <http://www.ess-ru.ru>

Социализация молодежи в современных условиях в России полна драматизма и противоречий. Опросы показывают, что все общество, в том числе молодежь, проходит испытание на толерантность – к представителям других этносов и религий, трудовым мигрантам, людям с физическими недостатками, детям-инвалидам, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д. Молодежь особенно остро ощущает проблемы отношений между людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Социализация молодежи происходит в обстановке своего рода борьбы внутри всего общества между воспитанием толерантного отношения к инаковости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Одним из наглядных примеров отличий российской молодежи от молодых людей в других европейских странах является отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентацией.

На рис. 2 представлены данные объединенных ответов: «полностью согласен» и «согласен», а также «не согласен» и «совершенно не согласен», кроме того, выделена группа, занимающая промежуточное положение между этими двумя крайними мнениями.

В России толерантное отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации (согласны с правом на их образ жизни или относятся нейтрально) среди самой молодой молодежной когорты составляет 47%, в группе 25–34 года – 32%, у взрослых россиян 45–59 лет – 28%. Насколько можно судить по другим исследованиям (Левада-Центр, Фонд общественного мнения), уровень толерантности к лицам нетрадиционной ориентации в российском обществе постепенно возрастает и при этом сильно зависит от информационного воздействия¹³. Если же сравнить данные по России и по другим странам, то контраст будет очень значительным. Толерантное отношение респонденты всех стран демонстрируют на уровне от 76

Рис. 2. Отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, % от числа респондентов в группе

Источник: данные ESS-2016. URL: <http://www.ess-ru.ru>

¹³ Дергачев В. Почти половина россиян выступила за равные права для геев. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce530039a7947172f79405d> (дата обращения 12.03.2020).

(Польша, 45–59 лет) до 97% (Швеция, 15–24 года). Возрастание толерантности молодежи в РФ к «другим» свидетельствует о том, что растет уважение к разнообразию поведенческих практик. Это является демонстрацией иного восприятия мира молодежью по сравнению со взрослым населением страны.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать три коротких, но важных вывода. В России сложилась социальная стратификация российской молодежи, своего рода молодежная социальная пирамида. Молодежь заняла свое, отличное от взрослых поколений, место на рынке труда. Молодежь в возрасте 15–34 года демонстрирует более критическое отношение к политической системе страны, более толерантное восприятие других мнений и образа жизни, отличное от традиционных представлений и ценностных ориентаций старших возрастных когорт.

Многие исследователи отмечают, что алгоритм смены ценностных представлений поколений общий для разных стран, он определяется ключевыми событиями в мире (сегодня это появление интернета, распространение мобильной связи и IT). Смена поколений в государствах, близких по уровню развития, проходит практически в одном режиме. Но поколения молодежи разных стран своеобразны в зависимости от стадии развития общества, что хорошо демонстрируют рассмотренные выше данные ESS. В связи с этим теория поколений

Уильяма Штрауса и Нила Хау, которая получила широкий отклик в научном сообществе, требует модификации для российских условий с учетом знаковых событий в новейшей истории страны, уровня экономики, предыдущих особенностей развития, процессов межпоколенных изменений. Особое внимание необходимо уделить характеристикам и ценностным ориентациям современной молодежи (поколениям Y и Z), для чего следует использовать актуальный эмпирический материал, полученный в репрезентативных исследованиях. К сожалению, такие работы в настоящее время проводятся крайне редко, российские социологи ограничиваются изложением теории В. Штрауса и Н. Хоу и конструированием своих теоретических построений относительно поколений в России. Больше внимания уделено поколению 35–56-летних, или поколению X [7, 19–21]. Однако можно утверждать, что поколения Y, те, кто уже вступил в активную фазу жизни (18–35 лет), и приходящее во взрослую жизнь поколение Z (до 18 лет) уже сейчас и в будущем будут иметь разный опыт социализации, сформируют представления о благополучии и счастье, о своем месте в обществе. Можно ожидать, что они заявят о себе требованиями изменить существующее положение в экономике, социальной сфере и политике, поскольку будут основными носителями нематериального капитала в ближайшем будущем [22]. Именно поэтому ученым и обществу следует больше знать об этих поколениях.

Литература

1. Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно неготовым ко взрослой жизни / пер. А. Толмачева. М.: РИПОЛ классик, 2019. 490 с.
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 224 с.
3. Zopiatis A., Krambia Kapardis M., Varnavas A. Y-ers, X-ers and Boomers: Investigating the multigenerational (mis) perceptions in the hospitality workplace. *Tourism and Hospitality Research*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 101–121.
4. Raymer M., Reed M., Spiegel M., Purvanova R. An examination of generational stereotypes as a path towards reverse ageism. *The Psychologist-Manager Journal*, 2017, vol. 20, pp. 148–175.
5. Seemiller C., Grace M. *Generation Z Goes to College*. San Francisco: Jossey-Bass, 2015.
6. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
7. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Синергия, 2016. 398 с.
8. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени: пер. с нем и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.

9. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
10. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow, 1991. 544 p.
11. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и в современной России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 5–28.
12. Беляева Л.А. Региональная разнородность уровня жизни населения // *Мир России. Социология. Этнология*. 2006. Т. 15. № 2. С. 42–61.
13. Константиновский Д.Л. Измерение неравенства в образовании // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 16 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018.
14. Модели доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. Под редакцией Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История. 2018. 368 с.
15. Якутина О.И. Противоречивость социальных практик успеха в современном российском обществе // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 1. С. 47–52.
16. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшника, С. Рощина. М., 2017. 148 с.
17. Щеглов И.А. Политическая социализация в России как теоретико-прикладная проблема // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 2. С. 47–50.
18. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодёжи: патриотические и геополитические компоненты // *Социологическая наука и социальная практика*. 2014. № 4 (8). С. 105–123.
19. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
20. Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html> (дата обращения 29.07. 2019).
21. Матвейчук В., Воронов В.В., Самуль И. Детерминанты удовлетворенности трудом работников X и Y поколений: региональное исследование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз*. 2019. Т. 12. № 2. С. 225–237.
22. Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // *Социологические исследования*. 2014. № 10 (366). С. 36–44.

Сведения об авторе

Людмила Александровна Беляева — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: bela46@mail.ru)

Belyaeva L.A.

Generation Y in Russia: Social Stratification, Position in the Labor Market and Problems of Political Socialization

Abstract. The article analyzes the youth's problems affecting their life and social well-being (social stratification of society; the position and behavior of youth in the labor market; changes in the youth's value orientations and models of socio-cultural behavior). The article describes the social status of the youth population in Russia, their integration into the labor market and the emotional component of political socialization. The authors analyze the age groups assigned to generation Y in accordance with the gradation of V. Strauss and N. Hau. The young people's material standard of living, education and place of residence are the indicators that differentiate the Russian youth, creating a kind of stratification youth pyramid. Currently, the place of young people in the labor market is decreasing, while the share of the employed aged 55-72 is growing, which negatively affects the innovative development of the economy.

Services have become the dominant industry for youth employment. The socialization of modern youth is contradictory, which is due to deep social differentiation, unstable position in the labor market, the impact of global information processes, the opposition of a tolerant attitude to otherness and independence and intransigence to other points of view and behaviors that differ from traditional ideas and values within the society. The political socialization of young people is characterized by a low level of interest in politics, a more critical attitude to the democratic status of the country when the respondents grow up with an increased positive emotional component in relation to the Motherland. When comparing some of the characteristics of these generations in the Russian Federation with the characteristics of the youth in European countries at different levels of development, Poland, the Czech Republic, Spain, Germany, and Sweden, their uniqueness is revealed, due to the severity of many problems of economic and democratic development in Russia. The data from Rosstat, the author's empirical research, and the European social research (ESS) were used in the study.

Key words: social stratification of youth, labor market, political socialization, education, values.

Information about the Author

Lyudmila A. Belyaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy (12, Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: bela46@mail.ru)

Статья поступила 03.03.2020.